

3 38
P 31,576
ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО

КРОВЬЮ
ЭТОЙ
ЗЕМЛИ...

ГОСЛИТИЗДАТ
МОСКВА

ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО

КРОВЬЮ ЭТОЙ ЗЕМЛИ

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1943*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Словно врублен	3
--------------------------	---

1. Горсть земли

Родина	5
Горсть земли	7
Котелок	9
Порыв	11
Земля	13

2. Можайский снег

Клятва	16
Нам отвечать	17
Сусанин	18
В саду установили пулеметы	20
Можайский снег	21
Имя твое	22
Медынь	23

3. Дорогами войны

Дорогами войны	25
Мост	27
Город Ленина	28
1. Ночь войны	28
2. Ладога	29
3. Театр военных действий	31
4. На станции ревели паровозы	32
Гитлерштрассе	33
Умирал человек	34
Истребитель	36
В пути	37

4. Москва — это ты

Март	38
Нас с тобой в этом мире	41
Не позабудь меня	42
Я жду письма	43
Я за тебя молился	44
Москва — это ты	45

Словно врублен силуэтом гордым
В небо предрассветное Москвы,
Бронзовую глыбу головы
Поднял он над затемненным городом.
Пушкин!

Я не знал его таким!
В дни войны он здесь.—
Он вместе с нами,
Стоя над ослепшими домами,
Над любимым городом моим.
Перед ним до края горизонта
Вдоль по Ленинградскому шоссе
День и ночь проходят люди фронта
К близкой прифронтной полосе.
Пушкин провожает их на бой
Молча,
с обнаженной головой...

Если б вдруг пришла такая сила,
Чтоб немую бронзу растопила—
Он такие бы нашел слова,
Что их стоя слушала б Москва...

1. ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

РОДИНА

Родина...

— Ты думаешь, что это
Только дом, где ты когда-то жил,
Мать

и на краю большого света
Женщина,
которую любил?!

И обрывки детских сновидений,
Что туманом над землей прошли,
Оставляя в памяти,

как тени,
Очертанья легкие земли?..

Что ж, пусть мы породы журавлиной—
Версты не считаем за спиной,—
Родина,

в любом краю единой
Все равно встаешь передо мной!
Где б я ни был,

я тебя приемлю
Русской силой горя и тоски.
Видел я,

воронежскую землю
Целовали сибиряки.

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Ты чувствуешь, как пахнут тополя,
Как пахнут трав зеленые ножи?
Вот так же пахла некогда земля
Там, где родился я,

там, где я жил.

Утром, когда затоскуют птицы
И заплачут летящие журавли,
Я вынимаю из черной тряпицы
Последнюю горстку родной земли.
Кровью омытая,

из пепелища

При отступленьи взятая на ходу,
У порога разрушенного жилища,
Принявшая клятву мою:

— Приду!

Приду все равно!

Наперекор гаданьям,

Наперекор всему...

Через страшные дни

Приду.

Кричат разбитые зданья,
Мертвые зовут отомстить за них!
Я вынес горечь Смоленска...

Киева...

Помню:

схватили его на гумне.

Молили женщины:

— Пощади!.. Пощади его...

Весна... Перед боем под утро не спится.
На север летят и летят журавли...
И я вынимаю из черной тряпицы,
Как пригоршню гнева—
кусочек земли.

Май 1942 г.

КОТЕЛОК

Как тихо стемнело сегодня...
Уж поздно.
Последние ветки костра догорят,
Мохнатые, низкие, южные сосны
На лапах вокруг, как медведи, стоят.
Над нами тревожное, черное небо.
И звезды...
и сосны...
и синий дымок.

Костер,
запах дыма и теплого хлеба.
Над пламенем тихо поет котелок.

Костер—это птица. Живая жар-птица.
Она прилетала ко мне по ночам—
Вся в золоте перьев.
Бывало, садится,
Прижмет свои крылья к усталым плечам
И тихо качает продрогшее тело...
В глаза ей глядел—оторваться не мог,
А птица дрожала, металась и грела...
Шуми, котелок, закипай, котелок,

Давно мы знакомы с тобою, товарищ,
Я помню, отец приносил в котелке
Пустую похлебку, что где-то давали
В голодные годы.

В тяжелой руке,
Как перышко, пламя рождалось.

Шипели

Дрова.

Я садился к огню в уголок.
Отец засыпал в продымленной шинели...
Шуми, котелок. Закипай, котелок.

Мне песня понятна твоя без вопросов.
По улице с визгом летела шрапнель.
Я помню, отца принесли два матроса
И положили его на шинель.
И был он в последнем молчании страшен.
И кто-то поставил у скорченных ног
С еще не доеденной гречневой кашей
Солдатский походный его котелок.
Казалось, что сердце навек онемело,
Что детство, как сказка, ушло навсегда.
Всю ночь я сидел над безжизненным телом
И плакал...

и кашу жевал...

А когда

В окно постучали ладони рассвета,
Я вещи свои завернул в узелок
И взрослым пошел по просторной планете—
Гремел за спиною пустой котелок.

Далекie годы проходят тенями...
Я снова стою на скрещении дорог—
Жар-птица колотит косыми крылами,
Солдатский поет над огнем котелок.

Москва

П О Р Ы В

После смерти человек живет
только на земле.

Барбюс

Я стоял у могилы друга.
Жестким снегом хлестала вьюга.
Динамитом взрывая грунт,
Засыпали его на ветру.
Зарывали, не спрятав лица,
В напряженной позе бойца.
Был в замерзшей руке зажат —
Продолженье руки—автомат.
Чтобы сталь у нее отнять,
Надо пальцы было ломать,
Но мы медленно, как тиски,
Разжимали сосульки руки.
Даже мертвым он рвался туда,
Где свинец оборвал года.
Пусть же память о нем хранит
Развороченный финский гранит.

Приходила весна...

К весне

Над могилой растаял снег.

В талых лужах с кусками льда
Зеленела и пела вода.
И весна прокатилась травой
По болотам, гранитам
и в зной
Опрокинулась...
и за ней
Поползли волоски корней.

Я стою на могиле товарища...
Зеленеет кругом трава еще,
И цветы продолжают цвести
На широкой его груди.
В лепестках голубых жива
Глаз веселая синева.
Посмотри, здесь дышит тобой
Все, за что мы ходили в бой—
Травы, нивы, леса, холмы—
Все, за что умирали мы!
Долетают из дальних сел
Золотистые пули пчел.
Опускаются на цветок
И густой собирают сок,
А пыльцы золотой порошок
Пристает на пчелиный пушок.
И мне кажется, что пыльца—
Лишь загар с твоего лица.
Старый пасечник мне дает
Узловатой рукою мед.
Через тонкое тело цветов,
Через щелки пчелиных ртов,
Через обе руки старика

Он приходит издалека—
Подступает, огонь затаив,
Незаконченный твой порыв.
И его на врага я несу,
Как отточенный штык на весу.
Смерть, отпрянь, пропусти над собой
Силу мертвых, влекущую в бой!

1941 г.
Москва—Ленинград

З Е М Л Я

1

Я землю любил, мальчишкой будучи,
Босыми ногами пыль бороздя...
А дед мой мечтал о прекрасном будущем
И землю ждал,
Как в засуху ждут дождя.
Дождался старый.

Забормотал:

«Землица...

Землица... Кормилица... Родная мать...»
На колени старик спешил опуститься,
Чтоб черствую землю руками брать.
Я тоже люблю ее...

Она открыта

На тысячи верст—куда ни гляди.
Солнцем согрета,

дождем умыта,
Стоять на такой невозможно—

лети

Над самой землей!..

А прижмешься ухом—
Ты чувствуешь теплый, живой песок
И слышишь, как в недрах ритмично и глухо
Травы сосут подпочвенный сок.
Рукой упруешься, и, кажется, ивовой
Лозою

в землю вратет рука...

Кругом тычинки пылью лениво
Роняют на липкое рыльце цветка...
А ты садишься березам в ноги...
Осколки неба упали в ров.

Трава шелестит—

На муравьиной дороге
Кипенье рабочее муравьев.

И где-то

Хрипит натруженной глоткой
Трактор.

И плуги за ним прошли,
Как будто на море

моторные лодки

Подняли застывшие волны земли.

2

Ты слышишь,

я вырос на этой земле,

Суровый не по годам.

Я пил ее воду,

я ел ее хлеб—

Ее

никому

не отдам.

Земля, ты была продолжением дома.

На тысячи верст
растерял я следы.
Я рожь поднимал на твоих черноземах,
Развесил по ветвям твои плоды.
Ты кровь,
ты дыханье мое впитала...
Ближе себя к земле прижать,
Чтоб сила чужого огня и металла
Меня не могла б от земли оторвать!
Что мне слепая стихия взрыва?
Я так и встречу последний взрыв—
Раскинув руки,
в одном порыве
Телом
тело земли закрыв!
Я нужен тебе.
И ты нужна мне.
Навстречу врагу,
землею дыша,
Любя тебя,
я ползу на камни,
О землю мою опираясь руками,
Зная, как жизнь на земле хороша.
К жизни ползу,
врагу не прощая!
К смерти иду—
и не дрогнет рот!
В тебя зарываюсь—
тебя защищая!
Ползу по тебе
для тебя
вперед!..

Белеют снега на вершинах Памира,
Качаются сосны в залесьях глухих...
Сегодня железные судьбы мира
Решаются снова на землях твоих.

Слушайте все:

«Я клянусь защищать ее...»

И клятве с неистовой силой звучать—

Сегодня,

Когда на дороге к счастью

Приходится черное горе встречать.

Клятва,

ты в небе звенишь винтами!

Написана кровью—

в крови трава...

Воронками взрывов,

окопами, рвами

Врезаны в землю твои слова:

Будем жизнью защищать отчизну,

Чтобы жизнь, как песню, вспоминать!

Умирать с такою страстью к жизни,

Чтобы никогда не умирать!

Октябрь 1941 г.

Кострома.

НАМ ОТВЕЧАТЬ

Война... Война...

Опять на небосклоне

Огонь и дым.

Товарищ, оглянись—

Ты видишь,
 это корчится и стонет
Врагом испепеляемая жизнь!
Мы родились,
 когда свистели пули.
Мы выросли,
 и вновь снаряд гудит.
Нам отвечать—чтоб нас не упрекнули
За то, что ждет отчизну впереди.
Чтоб люди будущего, золотого века,
На ослепительном своем пути,
Как песню, вспоминали человека,
Сумевшего отчизну защитить.
И я горжусь, что жил в такие годы,
Когда не грел родительский очаг.
Мы счастье сохраняли в непогоду—
Мы родину держали на плечах!
О родина,
 мне этот труд как милость!..
Так будем биться яростней и злей,
Чтоб нашим детям пелось и любилось
На кровью вымытой земле!

СУСАНИН

Степи, степи без конца и края.
Лес, поляны,
 редкий профиль гор,
Вечная дорога голубая,
Вечно набегающий простор—
Вот она бескрайная Россия!

Мне тебя увидеть довелось...
На твои просторы костромские
Осыпается листва берез.

С головою окунулись клены
В синеву заоблачных глубин,
Кажутся железом раскаленным
Огненные ягоды рябин.

Чем заменишь сердцу этот воздух—
Этот чуть голубоватый дым?
Белые, как изморозь, березы
Опустили руки у воды...

Церковушки старые горбаты,
Тонкие, как дети, тополя...
Вдоль дорог стоят кривые хаты—
Горькая, любимая земля!

По тебе идут чужие люди,
И машины черные пылят.
Степь разбита грохотом орудий,
Выжжены до корня тополя.

Над тобой плывут косые тучи,
Над тобой проносится гроза,
Из лесов, из глубины дремучей
Смотрят партизанские глаза.

Стерпим все!

Как некогда Мамаю,
Зубы сжав, терпели до поры,
Чтоб, кольчуги и щиты ломая,
Взять его, как зверя, в топоры.

Чтобы вдруг с неповторимой силой,
Молча, хмуро и не торопясь,
Беспощадно побратать с могилой
По стране расплзшуюся грязь.

Посмотри,

над степью, над лесами,
Проходя, как ливень навесной,
Костромской мужик Иван Сусанин
Мстителем поднялся над страной.

Октябрь 1941 г.

* * *

В саду установили пулеметы.
На сталь тяжелую, на черные штыки
Цветы роняли
в легкой позолоте,
Покрытые пылью
лепестки.

Я знаю жизнь—

суровые основы
Законов сохраненья красоты.
Сегодня кровь,
сегодня дождь свинцовый
Нужны земле, чтобы цвели цветы.

За то, чтоб ты не отцвела до срока,
За жизнь твою, за жизнь твоих детей—
Любимая,

прими мою жестокость—
Она нужна для нежности твоей.

МОЖАЙСКИЙ СНЕГ

Сегодня выпал подмосковный иней,
И все покрылось легкой целеной.
Страна моя,

твое святое имя
Морозной свежестью встает передо мной!
Пусть будет снег!..

Голубоватый, хрусткий,
Привычный снег обычных русских зим.
Пускай придет мороз исконно русский,
Пахнет в лицо дыханием своим!
Я славлю снега ледяные звезды,
Поземки шорох, низкий вой пурги.
Я славлю родины колючий воздух,
Которым задыхаются враги!

Мы шли на фронт,
а вдоль дороги плыли
По краю развороченных канав
Машины цвета европейской пыли
Уже не существующих держав.
Еще зажат берлинский воздух в шинах,
Присохла задунайская трава,
Еще вино французское в машинах,
Награбленные вещи в кузовах,
Но оседает подмосковный иней
На тупорылой брошенной машине.

Деревни нет.

Сожгли...

Торчат лишь трубы.
Но землю русскую пожаром не согреть.

Молчала,

окруженная чужими.

Качались петли на кривых столбах.

Они кричали:

«Назови хоть имя!»

Но имя застревало на губах.

Огнем пытали молодое тело,

Железом донимали:

«Говори!»

Но женщина лишь пристальной смотрела

На отсвет наступающей зари.

Тогда в бессильи, не найдя иного,

Они подняли тело от земли—

Веревкою из горла рвали слово,

Но даже стона вырвать не могли.

Она была сильнее огня и стали.

На запад улетело воронье...

Так имени ее и не узнали.

Да святится имя твое!..

Калуга. Январь 1942 г.

М Е Д Ы Н Ь

Здесь пахло медом...

Липы у воды

Тянулись прямо в город зацветать.

И древнерусским именем «Медынь»

Привыкли этот город называть.

Медынь... Медынь...

Не ждал беды.

Где ты,
Медынь?
Одни следы:
Скелеты обгорелых лип,
И на развалинах прилип
Осколок ржавого снаряда,
А рядом—
остовы печей.
Очаг покинутый—
ничей.

Я видел смерть.
Так умирали люди,
Что их смертям во всех веках звучать.
Но это город умирал...

Да будет
Прославлено бессмертье кирпича!
Он долго огрызался каждым домом.
Стеной вставал на огневом пути
И телом неуклюжим и огромным
Мешал врагу вплотную подойти.
Разрушенный, пожарами объятый,
Он подпустил врага девятым валом,
И, как боец, последнею гранатой
Он каменное сердце подорвал.
Всей тяжестью, собрав остатки сил,
Он стенами атаку раздавил.
И нет его... разрушен и сожжен.
Ценою жизни он купил победу.

Здесь будет город заложен...

Медынь. Март 1942 г.

3. ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Месяц поднялся двурогий
На самом краю земли.
Дороги, дороги, дороги...
О, сколько мы их прошли!
От самого Черного моря
Катились потоком лавы
Дорогами черного горя,
Дорогами горькой славы.
Пыли оттенок мышинный
Ложился на нас вчера,
В грязи задыхались машины,
Кашляли трактора,
Но мы отходили с боем,
Теряя осколки души,
Ведя по земле за собою
Железные толпы машин.
Сырая земля за колеса
Цеплялась в последний раз,
Пшеницы литые колосья
За ноги хватали нас,
Как будто молили в тревоге:
— Останься!
 Не поверни!..

Но мы оставляли дороги,
Глухие дороги войны...
Старухи, прощаясь с нами
На взрытой снарядом земле,
Нас всех заклинали сынами
И долго крестили вслед.

Держитесь,
 пусть имя России
Сквозь слезы,
 осеннюю стынь,
Сквозь все километры косые
Навеки нам будет святым!
Держитесь,
 чтоб с именем этим
В нас гнева огонь не погас!
Чтоб матери наши, и дети,
И жены бы верили в нас.
Чтоб нас не корили в тревоге
Покинутых женщин глаза...
Довольно!

 Замрите, дороги!
Ни метра,
 ни шагу назад!

Стой!
 Пусть под ногами на месте
О стойкость споткнется беда,
Железными пальцами мести
Зажатая навсегда.

Август 1942 г.

МОСТ

Он над водой упругим телом зверя
Раскинулся в стремительном прыжке.
Я подошел к нему, глазам не веря,
С гремучей смертью, сжатой в кулаке.
Я двадцать лет учился созидать,
По кирпичу, по капле счастье множить,
Чтобы сегодня все это опять
Одним движеньем спички уничтожить!
В нем сто ночей моих недосыпаний.
В нем весь напор, таившийся в крови.
В нем контуры невыстроенных зданий
И время, отнятое у моей любви.
Да, я любил его...

Вот так подходишь к сыну,
Которого ты создал и взрастил.
Я сам последнюю поставил мину
И шнур последней спичкой запалил.
И видел я, как над водой взлетело
Его большое скрюченное тело.

Там, за рекой, лежал любимый город
И молодость, покинутая в нем.
И мы клянемся:

— Мы вернемся скоро!
Мы вновь как победители придем!
Мы все вернем оставленное нами,
Заставим петь любимые места!
И над водой раскинется, как знамя,
Литая тень всяческого моста.

Здесь правду жизни миру указала
Его вперед простертая рука.
Здесь этой силой дышит каждый камень.
Здесь крепостью поднялся каждый дом.
Все, сделанное нашими руками,
Все, созданное вековым трудом,
Обрушим на врага!
У нас по праву
Безудержная ненависть черна.
Уж поднялась Московская застава...
И встала Выборгская сторона.
Вперед!

Не жить фашистским супостатам.
Им этот светлый город не бомбить—
Серебряная тень аэростата
Смертельную натягивает нить.
А ночь войны светла и безголоса.
Встает гранитной глыбой Ленинград.
И в тучу, проплывающую косо,
Вонзаются, как сталь, прожектора.

Ленинград

2. Ладога

Словно чистый осколок радуги
Незапятнанной синевы,
Голубые просторы Ладоги
Слились с ясной водой Невы.
Каждый вечер в заливы узкие
Возвращаются, до утра,
Огибая форты шлиссельбургские,
Быстроходные катера.

Они мчатся, хрипя моторами,
Возле кладбища у реки—
Там, где в соснах застывшими горами
Дюны подняли гребешки.

На могилах, поросших травами,
Зарываясь жестью в пески,
Из цветов с лепестками ржавыми
С белой лентой лежат венки.

«От сестры... От жены... От матери...
Сыну... Брату... Мужу... Отцу...»
Ветры надписи излохматили—
Ленты треплются на весу.

Голубые просторы Ладоги—
Золотистый осенний сок...
Принесли их за руки, за ноги,
Положили лицом в песок.

— Кто они?

— Моряки! Их пятеро.

— Где они свою смерть нашли?

— На изогнутой палубе катера,
У родных берегов земли.

Жены, матери, сестры сами бы,
Если б знали о смерти их,
Забросали героев цветами бы,
Обессмертили, как живых.

Пусть в граниты их жизнь не врублена,
Но ведь люди не смеют забыть,

За какие страдания куплено
Всем оставшимся счастье жить!

Пусть венков, пусть цветов им нету!
Пусть страданием разорван рот!
Положи на могилу газету—
«От Советского Информбюро»...

Сентябрь 1941 г.
Шлассельбург.

3. Театр военных действий

Мы вошли в театр—
темно и пусто.

Кресла сдвинуты за рядом ряд.
Холодом подернутые люстры
Синими сосульками горят.
Тишину прикладами развеяв,
Разбредясь во тьму во все концы,
Властными ладонями Морфея
На пол опрокинуты бойцы.
Спят они, расставив пулеметы,
Сжав в тяжелых пальцах автомат.
Под шинелью глухо стонет кто-то,
Где-то о любимой говорят.
Здесь недавно раздавали роли
На героев с пламенной судьбой.
Но война...

И, зубы сжав до боли,
Мы сегодня принимаем бой.
Сбросив сна невидимые узы,
Не пойму я,
как же это так—

Надо мной курносенькие музы
Весело танцуют краковяк.
Кем-то намалеваны когда-то
На плафонной резкой крутизне—
Вечно недоступные солдатам,
Часто приходящие во сне.
Что ж, висите невесомым грузом,
Свежестью нетронутой полны—
Никогда не умирали музы
В орудийном грохоте войны!
Спят бойцы...

Тревожный сон неровен.
Люди перед боем говорят...
В зале, где вчера звучал Бетховен,
Несколько часов тому назад,
Полушопотом приняв пароли,
Каждый из бойцов теперь берет
Кровью переписанные роли,
Автомат, гранаты, пулемет.

Осень 1942 г.
Ленинград

4. * * *

На станции ревели паровозы,
И лаяли зенитки по углам.
Мы всматривались в ненавистный воздух
И прижимались к сумрачным домам.
Нам было страшно.

Было нелегко нам—
Ведь мы детей сажали по вагонам.

Вдруг закричала женщина. Упала.
Раздался взрыв. Колючий звон стекла.
И медленно и нехотя на шпалы
Чернеющая влага потекла.
Мы забывали слезы матерей—
Ведь мы везли из города детей.
А все вокруг взрывалось и свистело.
И по-звериному хотелось нам
Закрыть детей своим тяжелым телом,
Чтоб детство не показывать врагам.
И были мы суровостью полны,
Грядущее спасая от войны.

1941 г.

ГИТЛЕРШТРАССЕ¹

Мы идем с тобой по Гитлерштрассе.
Посмотри скорее, посмотри—
На разбитой минами террасе
В клочьях окровавленной зари
Надпись намалевана чужая...
Кончен бой...

И медленно, со дна
Надо мной встает глухонемая,
Скованная смертью тишина.
Только трупы стыннут, каменяя,
Ужаса предсмертного полны.

¹ Гитлерштрассе — улица Гитлера; так называли фашисты одну из улиц г. Юхнова.

Ничего я не встречал страшнее
Этой сумасшедшей тишины.
Все затихло...

Замолчали люди.

А хотелось плакать и кричать.
Или мы за грохотом орудий
Разучились горе понимать?
— Говори!—

толкнул меня товарищ.

Горе лучше выстоять крича!
Может быть, тебя в дыму пожарищ
Вдруг услышат груды кирпича.
Может быть, тебе еще ответит
Человек, уткнувшийся ничком!
Может быть, протрут глазенки дети
Скрюченным холодным кулачком?..

Молча мы стоим на Гитлерштрассе.
Друг не знает,—

здесь, в моем краю,—

Это звери человеческой расы
Заселяли улицу мою.

Юхнов. Март 1942 г.

* * *

Умирал человек.
Застывала густая,
Непокорная кровь.
Незабудки цвели...

И по небу над ним
Треугольною стаей
Улетали на юг журавли.

Человек умирал.
Повернувшись на спину,
Он смотрел в синеву...
Озарив облака,
На худое лицо,
На цветы, на машину
Осыпался багровый закат.

Сбитый «Юнкерс» дымился
И корчился рядом.
Он был поднят на винт,
Словно взят на рога.
Как последний снаряд
За последним снарядом
Человек протаранил врага.

И теперь умирал...
Он мечтал о полете.
Мутным взором следил
За движением птиц.
И казалось ему,
Что летят самолеты
По его голубому пути.

И казалось ему—
Сквозь пространства и дали
Песнь победы его
Самолеты вели.

И над смертью героя
Бессмертьем вставали
Солнце,
 небо,
 земля,
 журавли.

ИСТРЕБИТЕЛЬ

На зелени аэродрома—
Он словно неуклюжий зверь,
Но чувствует себя, как дома,
Небес распахивая дверь.
Стремительный кусок металла
Взрезает воздуха пласты.
Смотри—
 под ним упругой стала
Литая глыба пустоты!

Вот так и жить...

 Как истребитель,
Ломая воздух, рвась вперед,
Чтобы невидимые нити
Поддерживали твой полет,
Чтоб в быстроте, ища опоры,
Раскинув руки плоскостей,
Лететь вперед, глотая скорость
Преодоления путей!

В П У Т И

Поезд стал...

И, поднятый привычкой,
Из окна глядел я на вокзал.
Девушку с растрепанной косичкой
На перроне парень целовал.

Видно, еще очень молодые,
В первый раз прощались на пути.
Как хотел расстаться я впервые—
Вот наобниматься и уйти!
И вскочить потом в вагон с разгона,
Чтоб она смотрела на дымок...

Парня я искал по всем вагонам,
Но нигде найти его не мог,
Потому что парень в тишине
Натянул солдатскую шинель...

4. МОСКВА—ЭТО ТЫ

Нине

МАРТ

1

Это март...
Оживают березы и ели,
И по трубкам каким-то
 ползут до рассвета
Беспокойные соки...
 И еле-еле
Просыпается в тонком березовом теле
Жизнь—
 от корней до веток.

Это март...
 Раскричались пугливые птицы,
Раздувая пернатые, звонкие груди.
И уходит от них
 несмолкающий грохот орудий,
Потому что весна
 орудийной пальбы не боится.
Это раненый март
 под березы ничком опустился!..
Мы его зарывали...
 И был он войной опален.
Из карманов достали
 граненые яблоки Мильса

И у сердца отняли
смертельный его медальон.
Был в дешевой железке
только адрес

и кровь...

И смеющийся женский
курносенький профиль.

Вот и все...

Так уходят под землю
улыбки и шутки.

Мешковатое тело
с колючей щетинкой усов...

Кто заменит тебя?..

В неуютном дымке самокрутки

Эти толстые губы,
веселые ежики слов.

Мстить!

Спокойно, не веря ни в бога, ни в чорта.

Надо кровью за кровь,

Надо жизнью пяти за одну.

Это—прятки в снегу,
это—крепкая нитка расчета,

Это—гнев преднамеренно силой согнуть!

Мы тебя не забудем,
рассудком смиря отчаянье.

Но ведь жизнь—это жизнь.

И она отнимает свое...

И приходит ко мне
пулеметными злыми ночами

Вот такая же девушка,
скрытая в мой медальон.

Я верю:
 когда умирает один из нас,
 Где-то
 в глухих тайниках
 Новая жизнь зачалась,
 Кровинкой стучит в висках.
 И губы опять отходят от губ...
 И руки не ищут рук...
 Снегом захлебываюсь на бегу...
 Сердцем задыхаюсь на ветру...
 Только вперед!
 Любовью полны,
 Еще не остывшей в грохоте льдин...
 Ты знаешь?!
 Для любви и войны
 Возраст
 нужен
 один—
 Март... Весна...
 И падают тоже весной
 В тающий снег лицом.
 С любовью и сталью
 пойдем со мной
 По круглой земле пешком.
 Много ее...
 На все километры—
 Поляны,
 леса,
 кусты...
 Бегут ручьи изо всех расселин,
 Над головой пролетают ветры...

Я верю:
 мы землю заселим
Такими людьми,
 как ты!

Март.

* * *

Нас с тобой в этом мире ничто не разлучит —
Ни размах километров,
 ни годы войны,
Ни за каждым кустом притаившийся случай,
Ни тревожная боль тишины.

Мы, как дети, ходили с тобой по планете;
Словно первые люди на первой земле,
Восторгались, как дети,
 мечтали, как дети,
Задыхались от счастья семнадцати лет.

Мы теперь суровеем и стынем с тобою...
Нас жестокой науке научит война.

Посмотри на виски—
 паутиной стальнойю
Оплела их уже седина.
Да и ты, дорогая...

 Смотри, дорогая,
Пусть тебя я сегодня, как встарь, берегу—

У тебя появилась впервые больная,
Незнакомая складочка губ.
Да, война—это страшные дни возмужанья!
Сохрани же навек
 ту, что тронута болью уже,—
Сохрани же навек
 нашу детскую силу мечтанья,
Не позволяй каменеть
 опаленной войною душе.

Калининский фронт.
Осень 1942 г.

* * *

Не позабудь меня...
 Не позабудь!..
И злой свинец мою не тронет грудь.
Люби меня
 и думай обо мне.
Пиши мне письма ночью в тишине,
Пиши мне письма ясной чистоты,
Какие раньше мне писала ты,
Чтоб в эти дни
 в страданьях и в огне
Была бы ты еще нужнее мне.
Август 1942 г.

Я ЖДУ ПИСЬМА

Где б ни был я,
в дыму войны скитаясь,
Лишь стоит опуститься тишине,—
Я жду письма,
ты слышишь,
жду письма я—
Сегодня принесут его ко мне.
Ты мне пришлешь клочок простой бумаги,
Затронутый дыханием твоим.
Ведь ты не знаешь—

нас ведут, как флаги,
Вот эти письма сквозь огонь и дым!
Ведь ты не знаешь:

зимними ночами,
Выучивая строки наизусть,
Мы письмами меняемся с друзьями.
Пусть знают все!..

Пускай читают...

Пусть

У того, кто их не получает,
Осядет капля женской теплоты,
Как сладкий яд, что горечь растравляет
И будит память...
Если б знала ты
Всю силу слов!..

Их тлеющее пламя...

Они, как кремень, высекают злость,
Они на сердце, как горячий камень,
Подъемлют все, что с болью улеглось.

И вновь встают за фронтовой чертою
Любимые, далекие глаза.

У женщины с поблекшей красотой
Бежит... бежит... и падает слеза.
Вернуться к ней...

Прорваться к ней
и с бою

С родной землей ее назад вернуть!

И люди с поседевшей головою

Всю ночь не могут над письмом заснуть.

Когда б ты видела твои слова во взгляде,

Когда б ты слышала,

что ночью говорят,—

Ты мне писала б десять писем на день—

Мы тридцать раз читали б их подряд!

Май 1942 г.

* * *

Я за тебя молился в Ленинграде...

Не веря в бога,

я из-под руки

Смотрел туда,

где раз пятнадцать на день

Как боги пролетали «ястребки».

Кому ты поклонялась—

я не знаю.

Кому молилась в эти злые дни?..

Я верил в самолеты,

понимая,—

Тебя прикрыть торопятся они.

Я за тебя сражался в Ленинграде
И думал:

ты от фронта вдалеке.
Когда я полз к грохочущей громаде
С бутылкой зажигательной в руке,
О чем ты думала?..
В холодные мгновенья
Во что ты верила?..

Не знаю...

В этот час
Мы третье отразили наступленье,
И танки догорали возле нас.
А ты была в далеком Подмоскovie
Лишь в двух верстах от фронта,
и, любя,
Ты мне писала честной силой крови:
«Ты в Ленинграде—
верю я в тебя!..»

МОСКВА — ЭТО ТЫ

(Отрывок из поэмы)

Вот мы застыли на берегу,
Грудью к земле—лицом к врагу.
В руках автоматы—набит магазин,
В холодных бутылках горячий бензин.
У нас за спиной в камышах вода.
Мы не уйдем.
Никуда! Никогда!

Ночью, когда я четвертый час,
Уткнувшись в траву, онемев, лежу,
Над тобой бомбовозы плывут урча,
Виснет сиреной ночная жуть.
И ты встаешь предо мной стройна,
Тонкая...

Такими бывают дети...
Ты понимаешь—

это война.
Это кончилась юность...

И в целом свете
Нет больше слов: «Если придет
Война»...

Вот она!
Видишь, вот
Она в упор подошла теперь—
Судбою стучится в дверь!

Мы жили с тобой на шестом этаже—
Узкая клетка, косые перила.
Но ты вошла, окно отворила,
И в комнату город ворвался уже!
Это Москва... Все чаще она
Мне снится простуженными ночами.
Сплетеньем тонких улиц полна,
Она ложилась у нас под ногами.
Мы шли по городу, как по квартире—
Уютное комнатное нутро.
В этом большом невоющем мире
Подземным праздником было метро.
И если б тогда ты сказала мне:
«Пойдем широкой дорогой людей...»—

Мы пошли бы открытыми залами
Новых проспектов и площадей.
Теперь не зажигают звезды Кремля.
На скверике нашем стоят зенитки,
И ночью прячется от неба земля,
Поднимая стальные нитки
На легких рыбах из серебра.
И люди в метро не спят до утра.
И парни девушкам говорят: «Пока»
И гнев уносят во имя любви—
Туда, где танки, где облака,
Где даже небо в крови.

Ты знаешь, и ты никогда б не спросила:
Откуда берется такая сила?
В каких человеческих глубинах
Зреет она?

Чем ее смерть?

Ты видела—люди бросают любимых
И добровольно идут на смерть.

Ночью очень пахнет трава.
Тяжелая кашка росой полна.
Неужели ползет по траве война
Туда, где моя Москва?

Чужие машины пылят во мгле,
Чужие люди идут по земле.
Камыш закачался на берегу—
Тонкие лезвия камыша.
Ты слышишь, встает нарастающий гул?
Его я слушаю не дыша.

Танки идут—

ползут черепахи,
Стальными лапами семеня.
Деревья, надвинув до глаз папахи,
Косматой шапкой накрыли меня.

Пускай ты в Москве,
но ты слышишь, Нина,
Я сердце свое беречь не могу!
В сердце моем злая сила бензина—
Огонь,
что ударит сейчас по врагу!
Не бойся—

мы племя неистребимых...
Огонь по врагу!!—

Пылает трава...
Глазами родины,
сердцем любимых
Смотрит на нас Москва!

Огонь по врагу!
Танки пылают на берегу...

Ленинград. Август 1941 г. —
Сентябрь.

Редактор Л. Тимофеев

Подписано к печати 19/III 1943 г. А-430. Тираж 25000
1 $\frac{1}{2}$ печ. л. 1,88 уч.-авт. л. Зак. № 178. Цена 1 р. 75 к.

б-я типография Огез'а, Москва, 1-й Самотечный 17.

1 р. 75 к.

